

Военная фантастика

коллекция

Александр ПЛЕТНЁВ

АДМИРАЛЫ АРКТИКИ

Адмиралы Арктики
Вскормленные льдами
Углём и атомом...

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
ПЗ8

Серия «Коллекция. Военная фантастика»

Выпуск 95

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Плетнёв, Александр Владимирович

ПЗ8 Адмиралы Арктики: Адмиралы Арктики. Вскормленные льдами. Углём и атомом... : сборник / Александр Плетнёв. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2026. — 784 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-192750-9

Арктика. Безлюдная снежная пустыня, где время заledenело между «вчера» и «сегодня», посреди «давно» и «ныне».

Где пропадали корабли и целые экспедиции, где и поныне можно ждать чего угодно, когда необъяснимая аномалия вдруг выбрасывает современное российское судно ледового класса из этого самого «сегодня» во «вчера».

Во «вчера», где за бортом... на дворе 1904 год со всеми историческими реалиями: Российская империя, Русско-японская война, Николай II, адмирал Рожественский....

Мировое сообщество считает, что эскадра Рожественского застряла во льдах и миссия арктической экспедиции провалилась. Тем не менее попавший в начало XX века ледокол «Ямал» благополучно и уверенно взял эскадру под проводку Северным морским путем. Но это не значит, что маршрут будет легким и экспедицию не ждут все сложности ледового перехода, тяжелые северные будни и даже потери.

И то, что императорская ставка в Санкт-Петербурге сумела провести успешную дезинформацию, не означает, что враг не подстраховался — отправив к северным широтам, к Берингову проливу, боевой дозор.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Александр Плетнёв, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-192750-9

Адмиралы Арктики

Пролог

Вереница саней, запряженных в собачьи упряжки, мчала, скользя, стелясь по снегу почти с природной гармонией. Гоняемые длинными шестами и покрикиваниями каюров-поморов, саамские лайки тянули со всех своих собачьих сил, на ходу наклоняя морды, щелкая зубами, заглатывая в пересохшие глотки снег.

Ледяная пустыня источала серый туман, стелящийся густыми лоскутами, и, озираясь, Ивор по прозвищу Свен (за свои шведские корни) угадывал в прорехах этой пелены едва видимые серебристо-темные тени.

Погоня была уже совсем близко, рыча по-звериному, по-волчьи. Воображение рисовало ему именно волков, не белого медведя — хозяина здешних мест, не рысь, не росомаху, охотящуюся там, в тайге на далеком берегу, а стаю волков.

Это порывание было чем-то похоже на механическое, но Свен и слова-то такого не знал, а потому окрестил так, как ему слышалось и виделось. Такова человеческая натура всему давать свое название, заворачивая в обертку понятного, тем самым изгоняя страх неведомого.

И он почти угадал... человек, возглавлявший догоняющий отряд, носил именно это прозвище, по своей фамилии — Вólков.

Собакам в упряжке передавался страх возницы и пассажиров. Псы поскуливали, подвывая, слыша сзади непонятный и от того еще более пугающий рык. Иногда попадая лапой на острый настил, жалобно тявкали, шумно дыша от бешеного темпа, все еще сохраняя силу.

Часть «волков-преследователей» стала обходить слева. Рычание изменилось, наполнившись рваными ритмами, словно в предвкушении добычи: «Ры-ры-к-ма-у-у! Ры-ы! Ры-ры-ры!»

Два иноземца-пассажира за возницей что-то выкрикивали через вой ветра на своем языке, еще бодрились, клацая затворами винтовок, но помор уже понимал — не уйти.

Бах! Бах! Пассажиры не выдержали, стали стрелять, и тотчас в ответ донеслось, растекаясь в густом тумане частыми хлопками. И тут же просвистели пули, как зудящие москиты — над самым ухом. Но сзади — выкрик... и Свен почувствовал, как облегчились сани, всхлипнуло резким запахом крови в ледяном дыхании снежной пустыни.

Гнать прямо собак было бессмысленно — тот, кто обошел слева, уже забежал вперед, охватывая.

Свен увидел, как впереди идущие сани повернули вправо. И он следом повторил их движение в поворот, все еще пытаясь оторваться от погони.

В спину остервенело впилося смертельное жало, выбив дух, толкнув погонщика вперед, на сани.

Собаки, почувствовав слабинку, замедлили бег и в конце концов остановились.

Сознание балансировало на грани, то уходя, то возвращаясь, тупой ноющей болью сковывая хребет. Через время придя в себя, помор мутным взглядом увидел склонившегося над ним человека в белой с пятнами одежде, в облегающих, закрывающих пол-лица очках с желтоватыми стеклами.

Человек встретился с ним взглядом, говоря что-то непонятное, словно не ему, а куда-то вдаль на почти знакомом:

— Порядок, «Углич». Зачистка.

Сознание Свена медленно уходило из раны в спине вместе с кровью и теплом тела.

Белым ляжет невинность снега...

Белым ляжет невинность снега.
Рисовать я ее не берусь
Лишь пою, лишь пою свою грусть.
Будут дети, как прежде, бегать.

Получив начало с 1584 года, в большинстве построенный на приболоченной местности по обоим берегам Северной Двины, окруженной хвойными массивами, Архангельск возводился именно этим самым доступным материалом — строительным лесом.

И даже в середине двадцатого столетия на окраинах города можно встретить дощатые тротуары и следы-остатки некогда проложенных деревянных дорог.

Не говоря о порой неплохо сохранившихся домах из бруса, обшитых потемневшей доской, стоящих нижними венцами на медленно подгнивающих сваях (не на фундаменте). Многие из этих упрямых и прочных реликвий дожили до времен асфальта и «внутреннего сторания», чувствительно покачиваясь от проезжающих мимо тяжелых грузовиков.

Однако вернемся немного назад — к началу двадцатого века, когда еще полновластно двигал «пар». Впрочем, и от паруса мас-сово еще не отказались.

Архангельская губерния — северный «фасад» империи, раскинувшийся от Финляндии до Урала, соприкасающийся с холодными водами Ледовитого океана, суровая правда жизни окраины, более полугода заснеженной, прихваченной льдами.

Потеряв свое значение как город-порт после основания Санкт-Петербурга, Архангельск только к девятисотым годам второго тысячелетия от Р. Х., с развитием торгового мореплавания, дотянувшейся (наконец) узкоколейной железной дороги, прокладкой телеграфной связи, получил новый импульс к развитию порта, как и всей губернии.

Летом с открытием навигации Северная Двина несет мимо Архангельска мутные желтые воды, давая выход к просторам океана с рыболовным и зверобойным промыслом, к торговым морским путям и европейским странам.

Зима же — долгая, и ледостав, длящийся 180–190 дней, почти до конца мая, сковывает берега не только Двины, но и Белого моря, закупоривая морскую дорогу к архангельским причалам и от...

С приходом зимы пикантный привкус портового города с прямыми новостями из Европы, веяньями и модами, замедляется, замораживается... жизнь замирает. Северный край словно впадает в спячку, снова становясь захолустьем империи.

И если посмотреть с высоты полета, то огромная территория превращалась в сплошное белое заснеженное поле. Тракты и груженные дороги к поселениям и местечкам засыпает, обновляет

чистым снегом. В архангельские гавани на зимний прикол обустраиваются суда.

Дошедшая от Вологды к левому берегу Северной Двины железнодорожная ветка, как это у нас водится по вечной необустроенности, регулярно требовала ремонта и восстановления. После размыва грунтовыми водами, оползней и прочих каверз природы, и дураков. Поэтому курьерская почта хоть и претендовала на регулярность, доходила с запозданием.

Тем не менее единственный на то время незамерзающий порт русского севера — Александровск* (в будущем г. Полярный) был включен в линии губернской телеграфной связи и дальше... И дальше по сети «Архангельск—Санкт-Петербург», проложенной вдоль почтового тракта, пусть окольным путем, но вполне надежно, молодой город губернии Александровск привязывался к Центральной России.

Еще в незамерзающих заливах и бухтах Мурмана** существовали становища поселенцев и рыбных промысловиков, а на восточной стороне Мурманского берега были основаны спасательные станции, к которым в том числе протянуты ветки промыслового телеграфа.

Не сказать, чтобы Архангельск зимы-весны 1904 года был совсем уж «сонным царством». Все-таки на другом краю империи шла война с Японией, что как минимум не могло остаться без внимания. Более того — волновало! Кого-то и лично — по сухим данным статистики, более четырех тысяч уроженцев Архангельской губернии были призваны и отправлены на Дальний Восток.

Однако новость пришла в тихий Архангельск совсем с другой стороны. С моря.

О нет! Вести с моря приходили частенько, вплоть до эпических!

Тогда, когда были связаны с героическими экспедициями к полюсу...

Смелыми первооткрывателями...

Пропавшими полярниками...

* Романов-на-Мурмане (в будущем Мурманск) будет заложен только в 1916 году.

** Мурман — так назывался мурманский берег, приморский берег Баренцева моря от Норвегии до мыса Святой Нос.

Спасенными из ледяного плена (часто через год-два) зимовщиками...

И трагическими смертями.

Нынешняя же сенсация всколыхнула и взбудоражила своей фантастичностью, буквально на грани неверия, если бы не нашлись свидетельства от разных источников: наскоро сделанные одним любителем рисунки (которым почему-то особо поверили) и даже реальное фото.

Фото-позитивы, правда, дошли до Архангельска чуть позже, как и позже закрутились все шестеренки этой истории.

Через край непокорной рекою.

Только скрытая тайна все тело наполнит
Через край непокорной рекою.
Может, в детстве так было, вот только не помню.
Промолчу, промолчу — успокою.

Когда кольский* уездный исправник телеграфировал в Александровск, что около берегов Мурмана замечены иностранные траулеры, под парами в Екатерининской гавани стоял только пароход «Лейтенант Скуратов». Или как тогда было принято орфографией — «Лейтенанть Скуратовъ».

Получив с посыльным от начальника пограничной стражи предписание выйти в море, командир «Скуратова» немедленно отдал соответствующие распоряжения.

Вообще-то для такого дела лучше бы подошли более скоростные боты-крейсера... «Скуратов» же, винтовая шхуна английской постройки, бывшее посыльное судно «Бакан», имел один существенный недостаток — малый, всего девятиузловый ход.

Ранее, пребывая в роли «охранного крейсера», обладая четырьмя орудиями, «Бакан» зачастую просто отпугивал браконьеров только появлением своего силуэта на горизонте —

* Кольский полуостров (устаревшее название Мурман, Кола) — полуостров на северо-западе Европейской части России. В 1899 году Кольский уезд переименовали в Александровский, но жители по привычке продолжали поминать прежнее название.

норвежцы быстро поднимали пары и нередко легко уходили от преследования.

В дальнейшем шхуну разоружили, исключили из списка судов, затем переименовали в блокшив № 5, намереваясь переделать в плавучую мастерскую для нужд дирекции. Однако после проведения капитального ремонта переквалифицировали в транспорт, вновь включив в список как пароход «Лейтенант Скуратов».

Правда, установленные в ходе ремонта новые котлы Балтийского судостроительного завода прити пароходу не добавили.

Командовал «Скуратовым» Престин Константин Иванович. Будучи простого, не дворянского рода, закончив штурманское отделение Технического училища Морского ведомства, Константин Иванович сумел дослужиться до штабс-капитанского чина Корпуса флотских штурманов.

Вторым старшим офицером на судне был мичман «из отставки».

Прохлюпав в указанный район, разглядев в бинокль нарушителей, Престин удостоверился, что траулеры на поверку оказались одной средненькой паровой шхуной и двумя ботами под норвежскими флагами. Достаточно плюгавыми, что не мешало им нагло заниматься промыслом трески в российских водах.

Русского тихохода, видимо, тоже опознали и, не дожидаясь близкого контакта, бросились наутек.

Два бота, наваливая из длинных труб густо и черно, весьма резво бодали волну с ясной целью уйти к своим берегам, тогда как не менее чадающая шхуна совершенно неожиданно отвернула на норд-ост.

Константин Иванович честно посомневался — «парочка», на его взгляд, была перегружена уловом. Подрезая курс, боты с трудом, но можно было бы догнать. С другой стороны, отвернувшийся «одиночка» едва ли давал семь узлов.

Решив не усложнять, русский капитан погнался за более доступной целью.

Но как оказалось, норвежцы его провели!

Дождавшись, когда подельники уйдут на безопасное расстояние и погоня за ними будет уже немыслима, «норвежец» прибавил, став постепенно отрываться от преследователя.

Какое-то время думали загнать браконьера в ловушку, прижав к дрейфующему ледяному полю, до которого, правда, было несколько миль. Но капитан шхуны, видимо, тоже был в курсе ледовой обстановки и стал отворачивать на восток.

Гонка на девяти узлах продолжалась еще несколько часов, все дальше уходя в зеленые волны северного Баренца. А потом капитан «Скуратова» понял ее бесперспективность и дал команду поворачивать домой. К тому же над водой стал стелиться туман, и браконьерская шхуна совсем потерялась из виду.

Взглянув на хронометр, прислушавшись к мерному стуку машины, Престин прикинул, сколько им еще идти обратно до Александровска — все одно особо спешить некуда. И, приказав сбавить ход до шести узлов, разочарованно ушел к себе в каюту.

А уже через три часа его вызвал возбужденный помощник. Когда он поднимался по трапу на палубу, ему в глаза сразу бросилось то, из-за чего случился переполох...

Со стороны норда, практически там, куда умотала шхуна-браконьер и где раскинулись сплошные ледяные поля, медленным белым светом наливался горизонт, поднимаясь выше к небу. Это не было похоже на вспышку, на мерцание северного сияния — а именно медленное заволакивание серой хмари и тумана наползающим белым светом.

А еще накатил на голову зудящий звон, как в ушах бывает... да быстро вышел весь.

— Вы когда-нибудь нечто подобное видели, Константин Иванович? — заворуженно глядя за корму, вымолвил помощник.

Капитан не ответил, подсознательно подмечая, как стих ветер, перестав посвистывать в такелаже, и все звуки стали словно глухими, исказив голос мичмана. На поверхность воды упал полный, совершенно неестественный штиль.

— Велите перекладывать руль, — приказал он мичману, — надобно взглянуть поближе на это.

Выписав принужденную циркуляцию, лохмато задымив из трубы, «Лейтенант Скуратов» поспешил на разведку.

Через час странный белый свет стал рассеиваться, подпернуло выше и серую дымку, оголяя ширину горизонта. По-прежнему подозрительно штилило.

«Норвежца» обнаружили на румб левее, чем ожидалось. Шхуна, едва курая дымком из трубы, судя по всему, наворачивала неуправляемые круги — ее черная метка на поверхности воды то становилась совсем маленькой, то расплывалась в профиль.

Уже подходили ближе. В бинокль подтверждалось — «норвежец» будто потерял управление и никак не реагировал на русское сторожевое судно.

Слышали уже почухивание его машины, на палубе — ни движения. И только когда обшарпанный борт и надпись названия, которую прочитали как «Витберн» (Белый медведь) стали различаться невооруженным взглядом, на шхуне словно проснулись — на палубе появилась пошатывающаяся одинокая фигура в шапке-малахасе*.

Мичман дернул свисток, и «Лейтенант Скуратов» взвыл сиреной — требование остановиться. На мачте затрепыхались сигнальные флажки, с тем же приказом.

Поравнялись бортами с браконьером. В нос ударил смешанный запах рыбы и ворвани, наверное, пропитавший старую шхуну до самых «косточек».

Взяв рупор, Престин на ломаном норвежском прокричал:

— Требуя остановиться.

Ноль внимания — кряжистый рыжебородый норвежец лишь поднял багровое, обветренное лицо и снова опустил, шаря рассеянным взглядом по палубе своего судна.

— Вы говорите по-русски? — снова в упор в рупор.

Норвежец что-то бормочет в ответ, поднимая тяжелый взгляд, отрицательно покачивая головой — доносится:

— Нау!

— Застопорите ход! — Престин настырно пробует немецкий и английский языки: — Кэптен «Витберн», стоп машин!

Норвежец мечет угрюмые взгляды, пытается раскуриться — не получается. Засунув обратно кисет и трубку, он, наконец, грузно спускается вниз.

Спустя минуту мотор браконьера прекратил постукивание, и шхуна легла в дрейф.

* Малахай шьется как обычная шапка-ушанка — верх из меха, внутренние части из кожи и замши.

Полный штиль позволял притереться бортами и перепрыгнуть на «иностранца». Что и проделала часть русской команды во главе с командиром.

Картина, что открылась им за фальшбортом шхуны, производила впечатление: норвежские матросы — как на подбор плечистые парни, привалившись кто куда, будто контуженные лупали глазами, открывая рты, мыча что-то нечленораздельное.

Стуча деревянными подошвами грубых сапог, из трюма появляется рыжебородый, успев, видимо, побывать в своей каюте — сменил шапку на старую, потрепанную капитанскую фуражку. Теперь видно, что это немолодой мужчина, а его рыжая борода скорее вся седая. Взгляд шкипера прыгает, меняясь от злого (на русских) до растерянного (на своих матросов).

— Что произошло? — спрашивает Престин.

— Белый свет, — хрипит шкипер, — а потом корабль — черно-красный демон Валгаллы с зубатой пастью. Огромный корабль!

Видно, что команда шхуны медленно приходит в себя — кто-то даже привстал, опираясь на заляпанные салом вонючие бочки.

Шкипер немного успокаивается, облегченно вздыхая. Снова достает свой кисет, не торопясь набивает трубку. Весь его вид говорит: «Черт вас, русских, принес!».

На вопросы он отвечает неохотно, упомянув Сваальбард (видимо, порт приписки). А на произошедшее с ними опять заладил про «большого красного демона», прибавив «рошен шиф» (русский корабль), и махнул рукой на норд, дескать «туда ушел».

Престин на «рошен шиф» внимания не обратил, став высматривать в бинокль горизонт на севере, и неожиданно заметил черную точку с признаками красного цвета, удивившись вслух:

— А ведь этот старый норвежский медведь не врет! — И подумал: «Конечно, на воде зрительно расстояние обманчиво, но каким бы ни показался огромным этот загадочный корабль норвежскому шкиперу, его очертания весьма хорошо просматриваются. Возможно, не так уж он и далеко. Попробовать нагнать? Тем более там уже скоро граница ледяного поля. Куда он денется?»

Престин еще сомневался, когда вернулась досмотровая команда, доложив, что рыбы в трюме совсем мало.

Возиться с браконьером не имело смысла, а некая загадка — вон она! Совсем близко!